

Энтомолог насаживает на острие булавки бабочек, революционер под микроскопом изучает сословия, классы, формации. Михаил Бакунин жил во времена первоначального накопления капитала. Но даже тогда, на восходящем этапе развития капитализма, великий революционер сумел разглядеть язвы, оценить нравы и вынести приговор идущему на смену феодалам новому господствующему классу буржуа, которых он провидчески назвал шайкой разбойников. Зоркий глаз был у Бакунина. Индейцы так бы его и назвали.

(Начало в № 5, 8, 9,10)

Буржуа – шайка разбойников

Вот что, например, словно о сегодняшнем дне, говорит о буржуазной партии власти времен Наполеона III один из основателей анархизма, дважды приговоренный царем к смертной казни, Михаил Бакунин: «Это – шайка разбойников, убийц и воров... по-прежнему говорят о свободе, справедливости, достоинстве, правде, цивилизации и гуманности; но смысл этих слов совершенно изменился в их устах, так что каждое слово означает в действительности нечто противоположное тому, что оно должно выражать, можно было сказать, что это общество бандитов по какой-то злой иронии употребляет самые благородные выражения для обсуждения самых гнусных намерений и действий». «Разбойничья шайка, вначале немногочисленная, с каждым годом все увеличивалась, привлекая в свою среду возможностью легкой наживы все негодные и развращенные элементы, и, затем, сплотивши их солидарностью в подлости и преступлении, кончила тем, что распространилась на всю Францию, опутав ее своими щупальцами, как огромная рептилия. Вот, что называют бонапартистской партией».

Насчет щупалец у рептилий Бакунин, конечно, немного переборщил, а по сути оказался прав. Сравните любую буржуазную партию во власти в любом конце мира и найдите два отличия, естественно, кроме названия.

Не оставил без убийственно-нещадной критики он и нарождающиеся парламентские социал-демократические партии

«Жизнь доминирует над мыслью и детерминирует волю. Вот истина, которую никогда не следует упускать из виду, если хочешь понять что-либо в политических и социальных явлениях. Желая установить между людьми искреннюю и безусловную общность мысли и воли, нужно исходить из одних и тех же условий жизни и общности интересов. А так как сами условия существования создают пропасть между буржуазным миром и миром рабочих, потому что один из них – мир эксплуатирующий, а другой – мир эксплуатируемый и жертва, то я делаю отсюда вывод, что если человек, рожденный и воспитанный в буржуазной среде, хочет искренне и без лишнего слов стать другом и братом рабочих, он должен отказаться от условий своей прошлой жизни, от всех буржуазных привычек, чувств и, повернувшись к нему спиной и объявив ему беспощадную войну, полностью окунуться, без ограничений и оговорок, в мир рабочих».

Если жажда справедливости не настолько сильна, чтобы внушить ему это решение и мужество, чтобы это сделать, то пусть не обманывается он сам и не обманывает рабочих: он никогда не станет их другом. В своих отвлеченных мыслях, мечтах о справедливости, в моменты раздумий, теоретических рассуждений и затишьях, когда внешне все спокойно, он может стать на сторону эксплуатируемого мира. Но как только настанет момент великого социального кризиса, когда эти два мира, непримиримо враждебные друг другу, сойдутся лицом к лицу в пылу великой битвы, все его жизненные привязанности непременно бросят его в мир эксплуатирующий. Так произошло со многими нашими друзьями и всегда будет случаться со всеми буржуазными республиканцами и социалистами».

Вот вам и добротное объяснение всех оппортунистов разных окрасов и наших перевертышей с партийными билетами. Демонстративно жгли красные корочки, чтобы вовремя успеть пристроиться к рыночному сытому корыту.

Провидческая картина

Анархист Бакунин обвинил Маркса в том, что тот любой ценой хочет сохранить государство, «эту тюрьму и извечный рабский дом, который, неся на своем фасаде эти два роковых и обманчивых слова, религия и родина, под предлогом того и другого всегда душил развитие народной жизни и приговорил миллионы обездоленных владычеств опустившееся, рабское, нищенское существование ради высшей цивилизации, свободы и благополучия нескольких привилегированных меньшинств».

Грядущий строй

Он упрекал его вместе с Энгельсом, в том, что они не хотят разрушить эту тюрьму. А Маркс считал, что государство как общественный институт просуществует еще долго и начнет отмирать еще не скоро. И вообще это второстепенный вопрос. Он, как хвост у человека, в свое время сам собою отпадет за ненадобностью цепляться за ветки.

Но когда путаник Бакунин широкими мазками бескомпромиссного революционера рисовал портрет бюрократии, неизбежной для переходного периода к социализму, то у него получалась потрясающе провидческая картина.

Цитирую: «Утверждать, что группа индивидов, даже самых разумных и благонамеренных, будет способна стать мыслью, душой, руководящей и объединяющей волей революционного движения и экономической организации пролетариата всех стран, это такая ересь против здравого смысла и исторического опыта, что можно с удивлением спросить себя, как такой умный человек, как господин Маркс мог ее излагать? У пап, по крайней мере, в качестве оправдания была абсолютная истина, которую, по их словам, вручил им Святой Дух, и в которую, как предполагается, они верят. У господина Маркса этого оправдания нет, и я не оскорбляю его, сказав, что он вообразил,

будто научным путем изобрел нечто, приближающее абсолютную истину».

«Мы также не считаем, что можно говорить о свободе пролетариата или реальном освобождении масс в государстве и государством. Государство означает господство, а любое господство предполагает подчинение масс и, следовательно, их эксплуатацию в пользу какого-либо правящего меньшинства».

Иными словами, утверждал Бакунин, даже при социализме будет господство бюрократии. И отменить это господствующее меньшинство номенклатуры Бакунин предлагал отменой государства.

Насчет диктатуры пролетариата Бакунин говорил следующее: «Так как даже с точки зрения только городского пролетариата, к исключительной выгоде которого хотят захватить политическую власть, разве не явно, что народная природа этой власти будет ничем иным, как фикцией? Разумеется, невозможно, чтобы несколько сотен или даже десятков тысяч, не говоря уже о миллионах людей, могли действительно осуществить эту власть. С необходимостью они должны будут осуществлять ее по доверенности, то есть поручить группе людей, избранными ими самими, чтобы их представлять, и чтобы ими управлять, что заставит их снова неминуемо погрузиться во всю ложь и все виды рабства предстательного, то есть

буржуазного, режима. После короткого момента свободы или революционной оргии, граждане нового государства проснутся рабами, игрушками и жертвами новых честолюбцев».

Не понял идеи Маркса и сути нового строя, он критикует государственный капитализм, про который говорит: «Принимая во внимание единственно только экономический вопрос, он (Маркс) говорит себе, что наиболее передовые страны и, следовательно, наиболее способные совершить социальную революцию – те, в ком современное капиталистическое производство достигло наивысшей степени своего развития. Именно они, за исключением всех других, – цивилизованные страны, единственные, призванные начать и руководить этой революцией. Эта революция будет состоять в экспроприации, либо постепенной, либо насильственной нынешних собственников и капиталистов и в присвоении всех земель и всего капитала государством, которое для выполнения своей своей великой экономической, а также политической миссии должно быть по необходимости очень обширным, очень мощным и очень сильно сконцентрированным. Государство будет управлять и направлять земледелие посредством оплаченных им инженеров, командуя армиями сельских трудящихся, организованных и дисциплинированных для этой обработки. Одновременно на руинах всех существующих банков оно учредит единый банк, финансирующий всю работу и национальную торговлю».

С первого взгляда понятно, что столь простой, по всей видимости, организационный план может покорить воображение рабочих, более жаждущих справедливости и равенства, чем свободы. Они безумно полагают, что и то, и другое может существовать без свободы, как если бы, для завоевания и закрепления справедливости и равенства, можно было оставить в покое все остальное и, главным образом, правителей, какими бы избранными и подконтрольными они называли себя народу во имя справедливости и равенства. В действительности, это был бы для пролетариата режим казарм, где унифицированная масса работников и работниц просыпалась бы, засыпала, работала и жила под бой барабана; для лавки и ученых – привилегия правления...».

Пожалуй, никто лучше Бакунина не нашел критических слов в адрес той модели государства переходного периода, т.е. государственного капитализма, который начал строиться в соцлагере в XX столетии. Вывод Бакунина таков: номенклатура, господствующее сословие, правящая бюрократия достаточно быстро вышелушивается из кокона революционной власти и первым делом начинает соображать, как ей поудобней пристроиться к государственному пирогу. Начинается нарезка прибавочной стоимости в форме квартир, машин, золотых парашютов, секретарш.

В чем ошибка Бакунина?

Представления анархиста Бакунина о социализме дальше формы государственного капитализма не шли. Маркс и Энгельс смеялись над ним. Они никак не могли ему втолковать, что новый строй будет иметь совершенно иной, высочайший уровень развития производительных сил, свой собственный основной экономический закон, то есть закон от дурака, волонтериста и вора. И он, этот закон, будет автоматически работать вместо революционной секиры Робеспьеров и товарищей Сталиных. Отомет прибавочная стоимость и останется у общества будущего лишь прибавочный продукт.

Много чего не мог понять Бакунин, в том числе и того, что на переходный период к социализму необходима диктатура пролетариата в лице его авангарда, бескомпромиссной большевистской партии. Что новый строй, социализм, будет вместо буржуазии иметь свой собственный неантагонистический класс-локомотив. Что будет гольяная зарплата по труду за экономию своего и чужого рабочего времени. Что социализм – это другие производственные отношения, затрагивающие фундаментальные законы и положения политической экономии. И если новые законы не будут внедрены в хозяйственный механизм государства переходного периода к социализму, хотим мы того или нет, мы будем барахтаться в выгребной яме капитализма.

В СССР, как и в КНР сегодня, был самый обычный государственный капитализм. А социализм – это не изобилие, не море разливанное роскоши и избыточных благ. Это, грубо говоря, сытая пайка, минимальная гарантированная нарезка материальных благ, когда о еде, образовании, крыше над головой и судьбе детей уже не беспокоишься. Когда колбасы хватает для разумного потребления, человек перестает о ней думать и переходит в своем развитии на следующую ступень. От разумного человека – к человеку творческому. Личность гармоническая начинает прорастать в человеке. Вора, разбойника, капиталиста, замшелого бюрократа общество оттирает на обочину жизни. Люди уже не просто честным трудом добывают свой кусок хлеба, а трудом сложным, творческим, высокодуховным. Ты им омерзительен со своей философией надутельства.

Но тогда автоматом возникает и другой вопрос: если разумные потребности удовлетворены и колбасы сорока сортов достаточно, если человек сыт, если вор становится изгоем общества, зачем продолжать измерять человеческое счастье колбасой и прибавочной стоимостью?

С тех пор как возникло разделение труда, работнику достается только ничтожная часть его результатов. Остальное, именуемое прибавочной стоимостью, уходило в далекие годы колдуну, рабовладельцу, феодалу, капиталисту-промышленнику, сегодня – Международному валютному фонду. Не пора ли благородный человеческий труд, а не его души-телей, вознести на пьедестал почета? Как это сделать?

Продолжение следует.

Дмитрий Щеглов